

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2020.84.44.012

Правовое положение лица, освобожденного из-под стражи**Шишков Андрей Альбертович**

Кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры уголовного процесса
Московский университет МВД России имени В.Я.Кикотя
117497, Российская Федерация, Москва, ул. Волгина, 12;
e-mail: aashishkov@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается правовое положение лица, освобожденного из-под стражи в порядке статьи 94 УПК РФ. Законодатель не отрегулировал процессуальный статус лица после прекращения меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого. В этой связи в следственной и судебной практике по-разному применяют положения закона. В одних случаях после освобождения подозреваемого из-под стражи лицо автоматически утрачивает статус подозреваемого, в других, - изменение этого статуса требует вынесения постановления о прекращении уголовного преследования. Анализируется правовая позиция Конституционного Суда РФ на порядок прекращения статуса подозреваемого при его освобождении из-под стражи. Высказывается мнение, что решение Конституционного Суда РФ не в полной мере отвечает современным тенденциям, направленным на повышение процессуальных гарантий лицам незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию. Ставится вопрос о целесообразности принятия еще одного процессуального решения, формально констатирующего непричастность подозреваемого к совершению преступления, если уже принято решение об освобождении подозреваемого из-под стражи в связи с неподтверждением подозрения. Предлагается расширить основания реабилитации подозреваемого.

Для цитирования в научных исследованиях

Шишков А.А. Правовое положение лица, освобожденного из-под стражи // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 12А. С. 84-91. DOI: 10.34670/AR.2020.84.44.012

Ключевые слова

Задержание подозреваемого, освобождение из-под стражи, прекращение уголовного преследования, меры процессуального принуждения, реабилитация.

Введение

Правовое положение лица в уголовном судопроизводстве определяется решением должностного лица, оформленным процессуальным документом. Лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, приобретает статус подозреваемого или обвиняемого в случаях, перечисленных в законе. В частности, подозреваемым лицо становится, когда в отношении его возбуждено уголовное дело либо оно задержано по подозрению в совершении преступления, либо избрана мера пресечения до предъявления обвинения, либо уведомлено о подозрении в совершении преступления (ч. 1 ст. 46 УПК).

Из перечисленных случаев приобретения лицом статуса подозреваемого два имеют ограниченный по времени период, по истечении которого правовое положение лица переходит в стадию неопределенности. Особенно ярко это проявляется в случаях освобождения подозреваемого из-под стражи. Напомним, что подозреваемый освобождается если: 1) не подтвердилось подозрение в совершении преступления; 2) отсутствуют основания применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу; 3) задержание было произведено с нарушением статьи 91 УПК. Кроме этого, подозреваемый освобождается начальником изолятора временного содержания после истечения 48 часов, если не поступит постановление судьи о применении меры пресечения в виде заключения под стражу либо продления срока задержания.

Не понятно, сохраняет ли освобожденное из-под стражи лицо статус подозреваемого при продолжающемся расследовании уголовного дела или его правовое положение автоматически изменяется в связи с тем, что основание признания его подозреваемым утратило юридическую силу.

Основное содержание

Если буквально толковать п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК, в котором говорится, что подозреваемым является лицо, *которое задержано* (выделено автором – А.Ш.), т.е. находится в режиме ограниченной возможности самостоятельно определять место своего нахождения, то можно предположить, что освобожденное из изолятора временного содержания лицо утрачивает статус подозреваемого. Возможно, этой логикой иногда руководствуются на практике.

Например, после дорожно-транспортного происшествия с причинением смерти потерпевшему было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 264 УК РФ. Лицо, которому принадлежал автомобиль, было задержано по подозрению в совершении преступления, автомобиль изъят и приобщен в качестве вещественного доказательства. По истечении 48 часов подозреваемый был освобожден из-под стражи в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК. После освобождения подозреваемого предварительное следствие продолжалось. Спустя 6 месяцев адвокат обратился с ходатайством об ознакомлении с постановлением о прекращении уголовного преследования его доверителя и возвращении ему автомобиля, на котором было совершено ДТП. Но следователь отказал в удовлетворении ходатайства, мотивировав тем, что, во-первых, постановление о прекращении уголовного преследования выносить не требуется, поскольку подозреваемый освобожден из-под стражи, и уже имеет статус свидетеля. Во-вторых, изъятый у него автомобиль признан вещественным доказательством по уголовному делу, производство по которому не окончено. Оспоренное решение следователя было частично поддержано районным судом, оставленным без изменения и второй инстанцией, которые

отменили постановление следователя в части отказа вернуть вещественное доказательство, а относительно прекращения уголовного преследования производство по жалобе прекратил [Постановление Президиума ВС РФ № 3-П18].

Таким образом, из примера видно, что лицо после освобождения из-под стражи в ходе дальнейшего расследования (а это было более года) находился в статусе свидетеля без отдельного постановления о прекращении его уголовного преследования. При этом позиция следствия в этой части, по сути, поддержана и решениями первой и апелляционной инстанциями.

И такие примеры не единичны [Кассационное определение суда Еврейской автономной области от 10 апреля 2012 г.].

Необходимо отметить, что и в теории уголовного процесса нет единого мнения о правовом положении лица, освобожденного из-под стражи. Есть сторонники позиции описанной в примере из практики и напротив, считающие, что прекращение статуса подозреваемого возможно лишь путем принятия отдельного самостоятельного процессуального решения.

Например, профессор Быков В.М. считает, что если задержанному не избрана мера пресечения в виде содержания под стражей или судом не продлен срок задержания, то подозреваемый немедленно освобождается, и в связи с этим сразу теряет статус подозреваемого [Быков, 2007, с. 13-14]. Эту позицию также разделяет Ф.А.Богацкий, считающий, что лицо автоматически теряет статус подозреваемого при прекращении применения к нему меры процессуального принуждения [Богацкий, 2006, 59-60] и другие авторы [Мазюк, 2013, с. 17-20; Сопнева, 2015; Павлов, 2018]. Такая точка зрения имело место и в советский период времени [Строгович, 1961, с. 33-34].

Противоположное мнение о существовании только одного универсального пути утраты статуса подозреваемого посредством вынесения постановления о прекращении уголовного преследования разделяют достаточно много процессуалистов. Например, по мнению авторов комментария к УПК РФ, при отсутствии оснований применения к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу подозрение не снимается, поэтому такое лицо не может быть свидетелем по делу и должно сохранять права подозреваемого [Комментарий, 2009]. И.В.Петров также считает, что при освобождении лица из-под стражи в связи с неподтверждением подозрения (п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ) требуется постановление о прекращении уголовного преследования. При этом справедливо замечает, что освобожденный не может являться подозреваемым [Петров, 2010, с. 162]. Тем самым возлагается надежда на следователя, что он одновременно вынесет два постановления: 1) об освобождении из-под стражи; 2) о прекращении уголовного преследования. Однако, как уже говорилось выше, практика не всегда придерживается такой последовательности.

Думаю, логика сторонников второй точки зрения вполне понятна и оправдана. Она основана на понимании категории уголовное преследование. Если исходить из того, что задержание подозреваемого есть одна из форм уголовного преследования лица и с момента задержания начинается процессуальная деятельность по его изобличению, то завершиться эта деятельность может лишь после принятия решения о прекращении уголовного преследования путем вынесения соответствующего постановления.

Если соглашаться с таким подходом, то нужно понимать, что у него есть уязвимые места. Во-первых, не совсем понятно, когда начинается уголовное преследование, то есть его начальный момент. По этому вопросу в теории уголовного процесса давно идут споры. Есть

мнение, что процессуальная деятельность по изобличению лица в совершении преступления может начинаться на более ранних этапах, когда нет подозреваемого и в том числе в стадии возбуждения уголовного дела. Возможно, вдохновением для ее сторонников послужила правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, высказанная еще в 2000 году. Суд призвал учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование [Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2000 г. № 11-П]. А это значит, что начальный момент уголовного преследования не обязательно увязывать с традиционными решениями, например, возбуждением уголовного дела в отношении лица или применением к нему мер процессуального принуждения. Уголовным преследованием считается, если в отношении лица применяются иные меры, свидетельствующие о наличии подозрения. Позднее и Верховный Суд Российской Федерации указал, что начальный момент уголовного преследования возможен в стадии возбуждения уголовного дела, а именно когда в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ [Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29 марта 2016 г.].

Во-вторых, о прекращении процессуальной деятельности по изобличению лица может свидетельствовать не только привычные для нас решения в виде постановления уголовного преследования и постановление о прекращении уголовного дела, но и, что вытекает из пункта 1, - постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Очевидно же, что начатое уголовное преследование при рассмотрении сообщения о преступлении при ее завершении в стадии возбуждения уголовного дела не требует ее оформления в виде прекращения уголовного преследования. Следовательно, допускаются иные формы окончания процессуальной деятельности по изобличению лица наряду с постановлением о прекращении уголовного преследования.

Неопределенность с правовым положением лица, освобожденного из-под стражи, попытался разрешить Конституционный Суд Российской Федерации. При этом Суд, на наш взгляд, неоднозначно высказал правовую позицию на порядок прекращения статуса подозреваемого при его освобождении из-под стражи.

С одной стороны, Конституционный Суд считает, что само по себе освобождение из-под стражи во всех случаях не влечет автоматического прекращения статуса подозреваемого, снятие с лица подозрения в преступлении, а равно прекращение его уголовного преследования. И далее говорит, что применительно к одному и тому же событию преступления, по факту которого возбуждено уголовное дело, лицо не может одновременно находиться в статусе подозреваемого, т.е. лица, подвергнутого уголовному преследованию, и свидетеля - лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний. Тем самым допросу лица в качестве свидетеля по уголовному делу, в котором это лицо имело статус подозреваемого, должно предшествовать процессуальное решение о прекращении его уголовного преследования; следователь не вправе допрашивать по одному и тому же делу, об одних и тех же событиях в качестве свидетеля лицо, чей статус подозреваемого не прекращен надлежащим процессуальным решением [Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. № 30-П. Далее – Постановление 30-П].

Вместе с тем если в постановлении об освобождении задержанного подозреваемого имеется ссылка на пункт 1 части первой статьи 94 УПК Российской Федерации, то есть не подтвердилось

подозрение в совершении преступления, то тем самым подтверждается отсутствие достаточных данных даже для выдвижения такого подозрения, что служит поводом и для разрешения вопроса о прекращении (невозможности продолжения) уголовного преследования лица, освобожденного из-под стражи. Иное влекло бы необоснованное продолжение обвинительной деятельности в отношении этого лица, чья непричастность к преступлению фактически констатируется вынесенным постановлением [Постановление 30-П]. То есть Конституционный Суд РФ прямо говорит, что постановление об освобождении из-под стражи по первому основанию фактически показывает непричастность лица к преступлению. Если нет «достаточных данных даже для выдвижения подозрения», иными словами, нет оснований даже для инициирования подозрения, т.е. процессуальной деятельности называемой уголовным преследованием, то было бы правильно, если освобожденный утратит статус подозреваемого без дополнительного решения.

Что касается второго основания освобождения подозреваемого из-под стражи, т.е. когда не удалось избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, то здесь ситуация несколько сложнее. Основания полагать, что подозреваемый причастен к совершению преступления, имеются. Вместе с тем суд, отказывая органам предварительного расследования в ходатайстве считает, что подозреваемый не скроется, не будет продолжать заниматься преступной деятельностью, а также не будет угрожать участникам уголовного процесса и уничтожать доказательства либо иным путем не будет воспрепятствовать производству по уголовному делу.

И здесь Конституционный Суд совершенно прав поясняя в Постановлении 30-П, что необходимо учитывать не только различия юридических оснований, в силу которых лицо является подозреваемым, в том числе оснований для задержания, но и дифференциацию оснований для освобождения подозреваемого из-под стражи.

Напомним, что УПК предусматривает четыре юридических основания приобретения лицом статуса подозреваемого и только один способ прекращения этого статуса при продолжающемся расследовании – путем прекращения уголовного преследования с вынесением соответствующего постановления. Полагаем было бы правильно, услышать призыв Конституционного Суда учитывать дифференциацию оснований освобождения подозреваемого из-под стражи и увязывать основания приобретения лицом статуса подозреваемого и его прекращения.

На наш взгляд, в Постановлении 30-П содержится неоднозначный подход к процедуре прекращения статуса подозреваемого в случаях его освобождения из-под стражи, что не способствует единой правоприменительной практике. По общему правилу лицо, освобожденное из-под стражи, может утратить статус подозреваемого после прекращения в отношении его уголовного преследования путем вынесения следователем или дознавателем соответствующего постановления. Вместе с тем если лицо освобождается из-под стражи в связи с неподтверждением подозрения, то фактически это означает, что лицо не причастно к совершению преступления. В таких случаях у следователя и дознавателя возникает обязанность формализовать это фактическое состояние лица, по сути, уже не подозреваемого, т.е. вынести еще одно постановление. Тем самым Конституционный Суд разделяет непричастность лица к совершению преступления на фактическую и юридическую непричастность.

Если лицо освобождается по п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК (фактическая непричастность), то следующее решение в виде постановления о прекращении уголовного преследования должно следовать автоматически (юридическая непричастность). Данная схема не сработает, если лицо

освобождается по иным основаниям. В таких случаях фактическая непричастность может не возникнуть вообще, а значит, подозреваемый сохранит свой статус и при продолжающемся расследовании, возможно, станет обвиняемым.

Можно предположить, что правовая позиция Конституционного Суда не в полной мере отвечает современным тенденциям, направленным на повышение процессуальных гарантий лицам незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию. По сути, происходит дублирование процессуальных решений. И если второе решение по тем или иным причинам не принимается, то тем самым фактически не причастное к совершению преступления лицо ограничивается в праве на реабилитацию, это препятствует восстановлению его прав, нарушенных уголовным преследованием. А кроме того, не своевременное принятие решений нарушает принцип разумности сроков уголовного судопроизводства.

Заключение

Возникает вопрос, целесообразности принятия еще одного процессуального решения, формально констатирующего непричастность подозреваемого к совершению преступления, если уже принято решение, показывающее ошибочную версию следователя или дознавателя о причастности подозреваемого к преступлению. Считаем вполне достаточно одного постановления об освобождении подозреваемого из-под стражи в связи с не подтверждением подозрения, чтобы считать лицо непричастным к совершению преступления, а соответственно, это должно стать еще одним основанием для возникновения права на реабилитацию. В этом случае процессуальным актом о признании права на реабилитацию останется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием.

Возможно, такой порядок можно распространить и на случаи освобождения подозреваемого из-под стражи, когда задержание было произведено с нарушением требований статьи 91 УПК. В таком случае в силу общих требований УПК задержание можно считать незаконным, а, следовательно, последствия в виде процессуального статуса подозреваемого должны признаваться не имеющими юридической силы.

Библиография

1. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2018 г. № 3-П18.
2. Кассационное определение суда Еврейской автономной области от 10 апреля 2012 г. по делу N 22-201/2012.
3. Быков В. М. Проблемы правового положения подозреваемого // Адвокатская практика. 2007. № 4. С. 11-15.
4. Богацкий Ф. А. Обеспечение прав подозреваемого при производстве предварительного расследования: дис. ... канд. юр. наук. Калининград, 2006. С. 59-60.
5. Мазюк Р.В. О продолжительности процессуального статуса подозреваемого в случае применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения // Российский следователь. - 2013. № 11. С. 17-20.
6. Сопнева Е. В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 105—113.
7. Павлов А.В. Развитие правового статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 134-141.
8. Строгович М. С. О подозреваемом // Социалистическая законность. 1961. № 2. С. 33—34.
9. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 5-е издание. М., 2009.
10. Петров И.В. Уголовно-процессуальные аспекты освобождения лица от подозрения в совершении преступления // Вестник Российского государственного университета им. И.Канта. 2010. Вып. 9. С. 161-166.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова». // Рос. газ. 2000. 4 июля.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Рос. газ. 2016. 6 апреля.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2017 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В.Ченского» //Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 1 (Постановление 30-П).

Legal status of a person released from custody

Andrei A. Shishkov

PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of criminal process,
Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
117497, 12, Volgina, st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: aashishkov@yandex.ru

Abstract

The article examines the legal status of a person released from custody in accordance with Article 94 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The legislator did not regulate the procedural status of the person after the termination of the procedural coercion measure in the form of the detention of the suspect. In this regard, the provisions of the law are applied differently in investigative and judicial practice. In some cases, after the release of the suspect from custody, the person automatically loses the status of the suspect, in others, changing this status requires the issuance of a decision to terminate the criminal prosecution. The article analyzes the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the procedure for terminating the status of a suspect upon his release from custody. The opinion is expressed that the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation does not fully comply with modern trends aimed at increasing procedural guarantees to persons illegally or unreasonably subjected to criminal prosecution. The question is raised about the advisability of adopting another procedural decision, formally stating the non-particularness of the suspect to commit a crime, if a decision has already been made to release the suspect from custody in connection with the non-confirmation of suspicion. It is proposed to expand the grounds for the rehabilitation of the suspect.

For citation

Shishkov A.A. (2020) *Pravovoe polozhenie litsa, osvobozhdenного iz-pod strazhi* [Legal status of a person released from custody]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (12A), pp. 84-91. DOI: 10.34670/AR.2020.84.44.012

Keywords

Detention of a suspect, release from custody, termination of criminal prosecution, procedural coercion measures, rehabilitation.

References

1. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of February 28, 2018 №. 3-P18.
2. The cassation ruling of the Court of the Jewish Autonomous Region of April 10, 2012 in case №. 22-201 / 2012.
3. Bykov VM Problems of the legal status of the suspect // Advocate practice. 2007. №. 4. S. 11-15.
4. Bogatskiy FA Ensuring the rights of the suspect during the preliminary investigation: dis. ... Cand. legal entity sciences. Kaliningrad, 2006. S. 59-60.
5. Mazyuk R.V. On the duration of the procedural status of a suspect in the event that a preventive measure is applied to him before the charge is presented // Russian investigator. - 2013. № 11. S. 17-20.
6. Sopneva EV Statutes of suspicion and accusations in criminal proceedings // Journal of Russian law. 2015. № 7. P. 105-113.
7. Pavlov A.V. Development of the legal status of a suspect in criminal proceedings in Russia // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (44). S. 134-141.
8. Strogovich MS About the suspect // Socialist legality. 1961. № 2. S. 33-34.
9. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article). 5th edition. M., 2009.
10. Petrov I.V. Criminal procedural aspects of releasing a person from suspicion of committing a crime // Bulletin of the Russian State University. I. Kant. 2010. Issue. 9.S. 161-166.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2000 No. 11-P «On the case of checking the constitutionality of the provisions of part one of Article 47 and part two of Article 51 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. I. Maslov» // Ros. gas. 2000.4 July.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 29, 2016 № 11 «On some issues arising in the consideration of cases on awarding compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time» // Grew up. gas. 2016.6 April.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 21, 2017 No. 30-P «In the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 38 and 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Chensky» // Bulletin of the Constitutional Court Russian Federation. 2018. № 1 (Resolution 30-P).